

Членораздельность, метауровни и современность: заметки к разговору

Наш разговор начался с частной интуиции и постепенно выстроился в достаточно стройную схему. Речь шла о «двухэтажных» семиотических системах — о том, что в Новое время принцип членораздельности распространился не только на практику, но и на её описание. По мере обсуждения стало ясно, что речь, возможно, идёт о более глубоком и общем историческом сдвиге: о возникновении и постепенном наращивании метауровней в организации знания и социального порядка.

Попробуем собрать основные линии этого рассуждения.

1. Членораздельность как исторический принцип

Можно предложить следующую рабочую формулу: суть Нового времени в том, что принцип членораздельности (то есть семиотической расчленённости, возможности описывать, фиксировать и передавать элементы) распространился на метауровень.

В традиционных системах членораздельность существует внутри практики. Римская армия, ремесло, обычай, уклад — всё это может быть организовано, дисциплинировано, структурировано, но эта структура живёт внутри самой деятельности. Она передаётся через обучение, подражание, традицию, но не существует как автономный язык, который описывает и перестраивает практику.

В Новое время происходит сдвиг: появляется слой знаков, который описывает саму практику. Возникают уставы, теории, методологии, грамматики, профессиональные стандарты. Война становится предметом военной науки, право — предметом теории права, наука — предметом методологии, язык — предметом филологии. Практика перестаёт быть единственным носителем порядка; появляется её рефлексивная оболочка.

Этот переход хорошо известен в разных дисциплинах и по-разному осмыслился. В лингвистике — как различие языка и метаязыка; в философии науки — как возникновение методологии; в социологии — как институционализация профессиональных норм; в теории социальных систем — как самореференция. Общая мысль одна: современное общество не только действует, но и систематически описывает свои способы действия.

2. Структура метауровня

Однако «мета» — это не просто описание. Внутри него возникают разные типы объектов.

Во-первых, это классификации: типы, категории, роли, разряды. Они достаточно явно привязаны к наблюдаемой реальности.

Во-вторых, это аналитические объекты — конструкции, которые не наблюдаются непосредственно, но вводятся как объясняющие сущности. В естественных науках это могут быть такие вещи, как поле или ген; в социальных — «класс», «рынок», «система». Они во многом вымышлены, но их существование подтверждается косвенно, через эксперименты, измерения, предсказания. Они становятся рабочими элементами мышления.

В-третьих, внутри метаязыка появляются чисто синтаксические конструкции — объекты, порождённые внутренней логикой теории. Они возникают не из наблюдения, а из

необходимости самой системы понятий. Это могут быть предельные модели, идеальные типы, формальные схемы.

Таким образом, метауровень постепенно наполняется не только отражениями реальности, но и собственными сущностями. Он становится особой средой, со своей онтологией.

3. Разрыв между синтаксисом и реальностью

Ключевым моментом в осознании автономии метауровня стало открытие, что между синтаксической правильностью и реальностью нет гарантированного моста. В логике и математике это было показано особенно жёстко: можно строить корректные конструкции, истинность которых не может быть доказана внутри самой системы. Этот поворот радикально изменил понимание того, как связаны язык, истина и мир.

С этого момента становится очевидно, что внутри метаязыка может существовать целый пласт объектов, чья связь с «нижним» слоем практики неочевидна и не гарантирована. Они могут быть логически согласованы, институционально признаны, но их укоренённость в реальности остаётся открытym вопросом.

4. Появление «мета+»

Если продолжить эту линию, возникает третий уровень — условно назовём его «мета+». Это язык, который работает уже не с практикой и даже не с её описаниями, а с самими мета-конструкциями.

Объектом здесь становятся:

- теории,
- модели,
- дискурсы,
- системы классификаций,
- способы описания.

Этот уровень не столько объясняет реальность, сколько анализирует способы её описания. В науке это проявляется в исследованиях науки как социального института; в гуманитарных дисциплинах — в анализе дискурсов и режимов знания; в праве и политике — в обсуждении форм и процедур как самостоятельных объектов.

Важно подчеркнуть: речь не обязательно идёт об «отрыве от реальности». Скорее, происходит расширение пространства, в котором циркулируют знаки. Практика, мета и мета+ сосуществуют и взаимодействуют.

5. Прогнозы и пределы метамоделей

Здесь особенно показателен пример с прогнозами начала 2010-х годов, когда многие аналитики ожидали, что рост благосостояния приведёт к расширению среднего класса и, как следствие, к политическим изменениям. Модель была логичной и опиралась на исторические аналогии. Но уже тогда можно было заметить, что помимо социальной динамики существует институциональная инерция — устойчивость структур, которая может замедлить или перенаправить процессы.

Этот пример важен тем, что показывает границу метауровня. Аналитический объект («средний класс») может быть корректно сконструирован и полезен для анализа, но его предсказательная сила зависит от взаимодействия с другими слоями — институциональными, культурными, историческими. Мета не исчезает, но перестаёт быть единственным объясняющим механизмом.

6. Современность как наращивание рефлексии

Если смотреть на происходящее сегодня без оценок, можно сказать лишь одно: уровень «мета+» стал чрезвычайно мощным и заметным. Появляется всё больше языков, которые работают с конструкциями, моделями, идентичностями, формами описания. Это вызывает реакции, напряжения, попытки пересмотра — но сам процесс, по-видимому, является естественным продолжением той линии, которая началась с модерна.

История уже знала подобные переломы. Появление письменности, формального права, научного метода — всё это когда-то тоже выглядело как странный, искусственный слой, навязанный практике. Со временем эти слои становились частью реальности и начинали её перестраивать.

Что происходит сейчас — сказать трудно. Возможно, мы наблюдаем ещё один виток той же логики: расширение членораздельности на новый уровень, где объектом становится уже сама система описаний.

В любом случае, сама схема «реальность — мета — мета+» позволяет удерживать различие между слоями и не смешивать их. Она не даёт ответов и не предсказывает исходов, но задаёт язык, в котором можно описывать происходящее, не прибегая ни к апологии, ни к катастрофическим сценариям.

Часть 2. История понятий: метаязык, рефлексия и самореференция

В предыдущем тексте была предложена простая схема: «реальность — мета — мета+». Речь шла о том, что в Новое время членораздельность распространяется на метауровень, а в современности начинает формироваться ещё один слой — язык, работающий уже с самими системами описаний.

Теперь имеет смысл коротко очертить, как эта проблематика возникала в разных дисциплинах и какими словами её пытались описать. Важно подчеркнуть: единой теории здесь нет. Но существует целое поле близких идей, которые, если их собрать вместе, образуют довольно цельную картину.

1. Лингвистика: язык и метаязык

Самая ранняя и, пожалуй, наиболее строгая постановка вопроса возникает в лингвистике XX века. Здесь появляется чёткое различие между:

- языком, на котором говорят,
- и языком, на котором описывают язык.

Это различие связано прежде всего с именами Романа Якобсона и структуралистской традиции в целом. Они показали, что всякая развитая языковая культура неизбежно

производит метаязык: грамматику, словари, филологию, комментарий. Язык становится объектом собственного описания.

В этом смысле Новое время можно увидеть как эпоху, в которой метаязыки начинают возникать не только вокруг языка, но и вокруг всех остальных практик.

Здесь же важно вспомнить Людвига Витгенштейна, особенно его поздние работы. Его интерес был сосредоточен на «правилах употребления» и на том, как языковые практики удерживаются самими участниками. У него появляется идея, что система правил всегда содержит возможность говорить о самих правилах, уточнять их и пересобирать. Это уже шаг от простого метаязыка к рефлексивной системе.

2. Философия науки: методология и парадигмы

В науке метауровень оформляется как методология.

Роберт Мертон описывает науку как особую социальную систему, в которой существуют не только исследования, но и нормы научности: правила доказательства, стандарты проверки, формы признания. Это уже не просто знание о мире, а знание о том, как производить знание.

Томас Кун делает следующий шаг. Его понятие парадигмы — это не просто теория, а система, которая задаёт:

- какие вопросы можно задавать,
- какие методы допустимы,
- какие результаты считаются убедительными.

То есть объектом анализа становится не только знание, но и способ его производства. Это уже метауровень в чистом виде.

Позднее, во второй половине XX века, возникает ещё один слой — исследования самой науки как социального института (science studies). Здесь наука начинает описывать не природу, а собственные механизмы. Это уже переход к «мета+».

3. Социология и теория институтов: самореференция

В социологии одна из самых близких к нашей теме линий связана с работами Никласа Лумана. Его основная идея — что современные социальные системы являются самореференциальными. Они:

- производят коммуникации,
- и одновременно описывают собственные коммуникации.

Например:

- право говорит о праве,
- наука — о науке,
- политика — о политике.

Система не просто функционирует, а постоянно строит язык своего описания. Это и есть институционализированный метауровень.

Пьер Бурдье подходит к той же проблеме с другой стороны. У него появляется идея «рефлексивной социологии»: наука должна уметь анализировать собственные условия производства. Здесь тоже возникает второй слой — описание описаний, исследование самих интеллектуальных полей.

4. Антропология письменности: появление второго этажа мышления

В антропологии важную роль сыграли работы Джека Гуди и Уолтера Онга. Они показали, что письменность меняет саму структуру мышления. Появляются:

- списки,
- классификации,
- архивы,
- законы как тексты.

Письмо позволяет отделить описание от ситуации. С этого момента можно:

- фиксировать практику,
- сравнивать её формы,
- перестраивать её по тексту.

Фактически это и есть исторический момент возникновения устойчивого метауровня.

5. Теория практик: различие действия и его описания

В более поздней социологии постоянно возвращается различие между:

- практикой,
- и рефлексией о практике.

Многие авторы отмечали, что современное общество производит огромное количество вторичных описаний: инструкций, комментариев, отчёты, стандарты. Профессия перестаёт быть просто набором умений; она получает язык, который описывает и нормирует её саму. Возникает саморегуляция — ещё одна форма институционального метауровня.

6. Логика и математика: пределы формальных систем

Особое место занимает логика XX века, где впервые ясно формулируется мысль о том, что формальная система может производить корректные конструкции, чья связь с истиной или реальностью не гарантирована. Это открытие резко усилило понимание автономии метауровня.

Если раньше предполагалось, что логическая правильность в конечном счёте ведёт к истине, то теперь стало ясно: внутри формального языка может существовать целый мир конструкций, которые живут по собственным законам.

Это, в некотором смысле, создаёт почву для появления «мета+» — языка, который работает уже с самими формальными структурами.

7. Общая картина

Если собрать все эти линии вместе, становится видно, что речь идёт не о частной идее, а о большом историческом процессе.

Сначала:

- практика организуется изнутри,
- членораздельность существует внутри действия.

Потом:

- появляется язык, который описывает практику,
- формируется метауровень: грамматики, уставы, методологии, теории.

Затем:

- возникает слой, который начинает анализировать сами системы описаний,
- формируются исследования науки, дискурсов, моделей, форм знания.

Каждая дисциплина описывала этот переход по-своему и под разными именами:

- метаязык,
- рефлексия,
- методология,
- самореференция,
- парадигма,
- дискурс.

Но за всеми этими словами стоит одна и та же структурная интуиция: современное общество всё больше живёт не только в мире действий, но и в мире описаний, а затем — в мире описаний описаний.

8. Открытый финал

Важно, что эта картина не предполагает оценки. Она лишь фиксирует, что исторически нарастает число уровней, на которых существует членораздельность. Практика, мета и мета+ не заменяют друг друга, а сосуществуют, иногда вступая в напряжение.

Куда ведёт это наращивание рефлексии — неизвестно. Но сам факт его можно проследить в самых разных областях: от письменности до науки, от права до профессиональных сообществ. И именно поэтому разговор о метаязыках и самореференции оказывается не философской абстракцией, а способом описать реальные структурные изменения в организации знания и социальных институтов.

Часть 3. Деривативы, основания и смешение уровней

В предыдущих частях была предложена схема нарастания метауровней — от практики к её описанию, а затем к описаниям описаний. Однако сама метафора «этажей» остаётся упрощённой. Более точной оказывается экономическая аналогия: не этажи, а цепочки переделов и производных форм.

Если воспользоваться экономическим языком, то современная культура знания устроена как система, в которой из «базовых активов» постоянно производятся деривативы. Сначала это происходит как естественный и необходимый процесс: описание практики позволяет её фиксировать, передавать, сравнивать, улучшать. Но со временем возникает сложная цепь производных объектов, каждый из которых всё дальше отстоит от исходного основания.

В этой оптике можно различить несколько уровней.

Базовый слой — это практики, действия, ситуации, опыт. То, что существует в непосредственном социальном и материальном мире.

Первичные деривативы — описания и классификации. Понятия, категории, типологии, теории. Они возникают как способ удержать и упорядочить практику.

Вторичные деривативы — уже не описания реальности, а инструменты работы с описаниями. Методологии, логики, формальные аппараты, теории теорий.

Так возникает целая «индустрия производства средств производства знания», где новые конструкции строятся из предыдущих, как в экономике строятся более высокие переделы из продуктов первичной переработки.

В такой системе появляются два принципиальных напряжения.

1. Отрыв деривативов от оснований

Любой дериватив по определению связан с базовым объектом. Но по мере усложнения системы связь становится всё более опосредованной.

Конструкции начинают:

- жить собственной жизнью,
- развиваться по внутренней логике,
- накапливаться независимо от исходной практики.

Это естественный процесс в любой сложной системе. Без деривативов невозможно ни наука, ни право, ни профессиональные стандарты. Но с их ростом увеличивается дистанция между описанием и основанием.

В какой-то момент становится трудно сказать, насколько та или иная конструкция укоренена в реальности, а насколько — в логике самой системы понятий.

2. Смешение базовых и производных объектов

Вторая проблема ещё тоньше. Она возникает тогда, когда уровни начинают восприниматься как один.

Аналитические конструкции:

- статистические категории,
- теоретические модели,
- идеальные типы,

начинают восприниматься как сами объекты реальности.

Это происходит одновременно на двух уровнях.

Во-первых, как когнитивный процесс: люди перестают различать, где речь идёт о практиках, а где — о моделях, построенных для их описания.

Во-вторых, как социальный процесс: институты начинают действовать, исходя из производных конструкций так, как если бы они были базовой реальностью. В этом смысле деривативы начинают влиять на практику, а иногда и перестраивать её под себя.

Важно, что здесь нет заранее заданной оценки. Деривативы — не «ошибка» системы, а её необходимый элемент. Они делают возможными сложные формы организации, долгосрочное планирование, накопление знаний, саморегуляцию профессий.

Но их рост увеличивает:

- сложность системы,
- дистанцию до основания,
- вероятность путаницы уровней.

3. Переделы знания

Экономическая аналогия позволяет увидеть эту динамику более наглядно. В производстве существуют последовательные переделы:

- сырьё,
- первичная переработка,
- высокие переделы,
- производство средств производства.

Точно так же и в культуре знания:

- практика порождает описание,
- описание порождает теорию,
- теория порождает методологию,
- методология порождает инструменты работы с теориями.

Каждый следующий слой использует предыдущий как материал, но уже работает с другими объектами.

Именно в этом смысле современность можно описать как эпоху высоких переделов знания — где всё больше ресурсов и внимания сосредоточено в областях, производящих не сами знания, а средства их производства и анализа.

4. Открытая система

В такой системе невозможно заранее сказать, где окажется центр тяжести:

- в практике,
- в институтах,
- в теоретических конструкциях.

Иногда базовый слой оказывается более устойчивым. Иногда именно производные уровни начинают задавать направление развития. Иногда между ними возникает напряжение.

Но сама логика наращивания переделов — это не исключение, а нормальное состояние сложной культуры.

И тогда современность можно описать ещё одной рабочей формулой:

мы живём в мире, где растёт объём деривативных конструкций
и одновременно увеличивается риск их отрыва от оснований
и смешения с базовыми объектами.

Эта формула не объясняет всё, но она даёт язык, позволяющий фиксировать реальные процессы, не сводя их ни к кризису, ни к прогрессу. Это лишь способ различать уровни — и тем самым удерживать сложность происходящего.